

Даосская монахиня воспользовалась моментом и упала на колени молодого человека, быстро обхватив его талию своими нежными руками, словно вьющиеся лозы. Она дышала ароматом орхидеи, соблазнительно говоря:

— ...Конечно, не понравится. У тебя холодный характер, ты не умеешь говорить сладкие слова, и, несмотря на всю твою преданность, ты не можешь завоевать её сердце. Долгая ночь впереди, ты не сможешь её порадовать, но я могу тебя научить!

Она обвила его талию, словно зачаровывая:

— Ты пришёл сюда один, рискуя своей жизнью. Она знает об этом?

Её нежные руки незаметно скользнули к мечу.

Молодой человек резко очнулся и направил меч на даосскую монахиню, но в этот момент её руки сжались, и он потерял равновесие, упав на землю. Меч выскользнул из его рук и упал под грушевое дерево с лёгким звоном.

Ся Суйцзинь, наблюдавший за этим с грушевого дерева, почувствовал неприятное ощущение в сердце.

В этот момент даосская монахиня уже взобралась на молодого человека, улыбнувшись очаровательно. Её тонкие пальцы раздвинули одежду, и белое платье соскользнуло, обнажив её кожу, белую и гладкую, как сливки. Она сказала с лукавой улыбкой:

— Молодой человек, ты умеешь сражаться, да? Как удачно, я обожаю героев с выдающимися боевыми навыками, потому что их внутренняя сила очень вкусная.

Не успела она закончить, как её губы коснулись губ молодого человека.

Он отвернул лицо, отталкивая её:

— Мне не нужно радовать того человека, потому что он уже счастлив, когда видит меня, так же, как и я счастлив, когда вижу его. Ты — убийца, твои руки покрыты кровью. Как гласит древняя мудрость: «Кто сеет зло, пожнёт беду». Я советую тебе одуматься и не продолжать идти по этому пути.

Даосская монахиня остановилась у его шеи, её волосы, пахнувшие таинственным ароматом, коснулись его щеки.

— Ты такая прекрасная, зачем становиться злодейкой? ...Ты говоришь, что любишь мягких и вежливых мужчин. Почему бы тебе не исправиться, покинуть этот форт Шэнь и отправиться в мир, чтобы найти своё счастье? Забудь о том, чтобы радовать его, раздёнсья и проведи с ним эту ночь.

Даосская монахиня подняла голову, её глаза, полные слёз, светились улыбкой:

— Молодой человек, ты прекрасен. Какой счастливице досталась твоя любовь? Но всё уже поздно, я давно погрузилась в бездну. Если я умру, я хочу стать одиноким духом, чтобы искупить свои грехи.

Слёза упала на лицо молодого человека.

Он на мгновение замер, и в этот момент Ся Суйцзинь метнул несколько игл, которые

превратились в серебряные звёзды, летящие, как снег, и все они устремились к даосской монахини. Он спрыгнул с грушевого дерева, крича с досадой:

— Не стой как вкопанный! Хватай её!

Молодой человек очнулся и сказал:

— Прости.

Он схватил запястье даосской монахини и ударил её по затылку.

Выражение лица даосской монахини резко изменилось, её пальцы согнулись в крюки, кончики мгновенно почернели, и она попыталась схватить лицо молодого человека.

Ся Суйцзинь почувствовал, как его сердце дрогнуло, и крикнул:

— Юй Фан, будь осторожен!

Юй Фан отпустил запястье, используя внутреннюю силу, чтобы вернуть меч Хэхуа, и использовал его для защиты. Лезвие меча столкнулось с крюками, словно топор, рубящий обугленное дерево, и пальцы даосской монахини рассыпались в пыль.

Ся Суйцзинь думал, что для поимки даосской монахини потребуется больше усилий, но не ожидал, что Юй Фан, скрывавший свои способности, сможет одним мечом заблокировать её атаку, а затем одним ударом отправить её на землю. Даосская монахиня выплюнула кровь, её бледное лицо стало ярко-красным, как цветок рододендрона, окрашенный кровью, полный печали и отчаяния.

Она шатаясь поднялась, пытаясь сбежать, но Ся Суйцзинь достал длинную цепь из чёрного металла, обвил её гибкий стан, словно змея, и потащил её к себе, как беспомощного ягнёнка.

Даосская монахиня, прижимая руку к груди, с кровью на губах, слабо прошептала:

— ...Шурин.

Ся Суйцзинь слегка улыбнулся и спросил:

— Кого ты называешь «шурином»?

Даосская монахиня, словно рыдая, тихо сказала:

— Я — Байлу, вторая дочь форта Шэнь. В ту ночь я спряталась в колодце и выжила.

— Неправда! Ты лжёшь. Ты — злодейка, даосская монахиня, которая хочет спасти свою жизнь, поэтому называешь себя второй дочерью Шэнь Байлу.

— ...Нет, я не лгу, шурин, я действительно Байлу...

Даосская монахиня, ползая у ног Ся Суйцзиня, схватила его одежду, умоляя, как ничтожное насекомое.

Ся Суйцзинь опустил глаза, словно размышляя, но вдруг даосская монахиня схватила его ногу железным крюком и перевернула его.

Бедный Ся Суйцзинь, который как раз планировал следующий шаг, внезапно почувствовал, как мир перевернулся, и он упал на грушевое дерево, ударившись поясницей, а затем свалился на землю, чувствуя, что его тело разваливается на части. Он не мог больше встать, но кричал Юй Фану:

— Не... не дай ей сбежать!

Юй Фан, увидев это, его лицо стало холодным, как лёд. Он взлетел, как тень, и ударил даосскую монахиню, которая пыталась сбежать. Она выплюнула кровь, сделала несколько шагов и упала на землю, потеряв сознание.

Ся Суйцзинь наконец расслабился, опёрся на грушевое дерево и с трудом поднялся, чувствуя острую боль в пояснице. Он больше не мог держаться и махнул рукой Юй Фану:

— Подойди, помоги мне.

...

После долгой ночи Ся Суйцзинь был измотан и уснул крепким сном.

На этот раз ему приснился хороший сон. Во сне он с отцом лазил по деревьям, искал птичьи яйца, а маленький пухлый У обнимал ствол, жалобно крича:

— Второй брат, отец, я тоже хочу! Возьмите меня, я тоже хочу найти яйца!

Ему было семь лет, и он корчил рожицу вниз:

— Нет! Ты ещё слишком маленький. Когда подрастёшь, я возьму тебя с собой. Посмотри, как спокоен Ци, только ты всё время шумишь.

Он был слишком доволен собой, но поскользнулся и упал вниз головой.

Но он совсем не почувствовал боли.

Потому что он лежал на руках у матери, а она, прикрывая рот, смеялась над ним:

— Кто тебя заставляет быть таким озорным? В следующий раз будешь так делать?

Лёгкие, но уверенные движения её рук, массирующие его поясницу, были очень приятными, и он совсем не чувствовал боли.

Он лежал на руках у матери, вдыхая её лёгкий, холодный аромат, и чувствовал себя очень счастливым.

— Ой, как ты оказался у меня на руках?

Ся Суйцзинь проснулся и увидел, что держит в объятиях Юй Фана. Его сердце забило чаще, а затем он, с игривым выражением, ущипнул его за щеку, чувствуя, как она мягкая и нежная. Вскоре он разбудил Юй Фана.

Юй Фан опустил глаза, словно недовольный, и сказал:

— Ты обнял меня и назвал «мамой».

Ся Суйцзинь рассмеялся:

— Ты настоящий сокровище, я тебя хвалю. Не хмурься, пойдём, подразним эту даосскую монахиню.

Юй Фан удивился:

— Как «подразним»? Ты же знаешь, что она — Шэнь Байлу. Зачем ты так с ней поступаешь? Что ты задумал?

— Ничего особенного, просто наказываю злодеев.

— А как насчёт «Жетона Девяти Драконов»?

Ся Суйцзинь погладил нахмуренный лоб Юй Фана и сказал:

— У меня есть план. Не хмурься, мне неприятно это видеть. И эта чёрная одежда тебе очень идёт, маску тоже не надевай.

Он отступил на несколько шагов, наблюдая, как высокая и стройная фигура Юй Фана в чёрной одежде выглядит, как изящный бамбук. Его красивое лицо с ясными глазами, смотрящими с недоумением, казалось немного наивным. Ся Суйцзинь улыбнулся с удовлетворением:

— Ты выглядишь отлично, пока оставайся в таком виде. Когда доберёмся до форта семьи Сюэ, сменишь на белое.

Юй Фан сказал:

— С головы до ног весь в чёрном, как уголь.

— Чушь! Где ты видел такого красивого уголька?

Ся Суйцзинь открыл дверь, и тёплый восточный ветер ворвался внутрь. В ярком солнечном свете под тенью коричневого дерева сидела женщина. Его красивое лицо озарилось улыбкой, полной лёгкого подстрекательства и явного злого умысла:

— Даосская монахиня, как спалось?

Её руки и ноги были скованы длинными холодными цепями, другой конец которых был прикован к дереву. Ся Суйцзинь подошёл ближе, осторожно остановившись за пределами тени, и спросил:

— Ты боишься света?

Даосская монахиня подняла голову, посмотрела на Ся Суйцзиня против света, и её глаза сразу же загорелись от боли. Она быстро закрыла глаза, боясь смотреть.

Ся Суйцзинь настаивал:

— Твоя кожа холодная, твоя внутренняя сила хаотична, явно ты практиковала злое техники. Я вижу, что твои руки и ноги почернели, неужели ты искажила свою ци?

Он поднял одну из цепей, словно тянул непослушное животное из тени. Ему это казалось забавным, и, глядя на нежное лицо даосской монахини, полное слёз, он сказал:

— Ты поглощала внутреннюю силу многих мастеров, но мне странно, почему ты всё ещё так слаба?

Цепь была накинута на шею даосской монахини, и, когда он резко потянул, она поползла вперёд, а затем, обессиленная, упала, её белые руки оказались на солнце.

— Ааа, как больно... Пощади... Пожалуйста, пощади меня...

<http://bllate.org/book/16190/1452563>